

Н. А. Гончарова

Кандидат исторических наук, доцент,
Уральский государственный экономический университет
г. Екатеринбург, Россия

Духовность как смыслообразующий фундамент культурных традиций

Статья исследует роль духовности как смыслового ядра культурных традиций в процессе межкультурной коммуникации и воспитания. Сегодня людям приходится всё чаще общаться через культурные границы, и в этих ситуациях одних знаний о традициях или языке недостаточно. На первый план выходит внутренняя готовность видеть в собеседнике не просто представителя другой среды, а человека со своим опытом и ценностями. В статье анализируются механизмы трансляции ценностей, возникающие когнитивные и аксиологические барьеры. Автор делает вывод о необходимости диалога культур для формирования глобальной этики, основанной на взаимопонимании и сохранении идентичности.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, духовность, воспитание, ценности, культурный трансфер, диалог культур, глобализация, идентичность.

В условиях нарастающей глобальной взаимосвязанности людям всё чаще приходится выстраивать взаимодействие за пределами собственной культурной среды. Однако одного знания языка или внешних норм поведения в таких ситуациях оказывается недостаточно. Существенное значение приобретает внутренняя установка на восприятие собеседника как личности с уникальным жизненным опытом и системой ценностей. В этом контексте особую роль играет духовное измерение, позволяющее глубже понять основания поведения, механизмы формирования доверия и причины различий в коммуникативных стратегиях.

В межкультурной коммуникации духовность можно рассматривать как практическую систему смыслов, через которую каждая культура осмысляет человека, его место в мире и границы допустимого поведения. Именно на этом уровне формируются как точки соприкосновения, так и зоны расхождения. Вместе с тем в различных культурных традициях прослеживаются и универсальные основания, такие как признание ценности жизни, стремление к справедливости, идеи добра, ответственности и поиска смысла [2, с. 28]. Эти элементы создают базу для взаимо-

понимания, позволяя обнаружить сходство в различных мировоззренческих системах.

Одновременно духовные ориентиры всегда укоренены в конкретном историко-культурном контексте. Представления о свободе, долге, успехе или социальной ответственности формируются под влиянием опыта общества и закрепляются в его институтах и практиках [4]. В одних культурах приоритет отдается гармонии и коллективным интересам, в других - личной автономии и самореализации. Подобные различия не всегда очевидны на поверхностном уровне, однако именно они определяют глубинные реакции участников общения и могут существенно влиять на характер взаимодействия. Отдельного внимания заслуживает различие между духовностью и религией: если в традиционных обществах они тесно взаимосвязаны, то в секулярных культурах духовные ценности нередко существуют вне религиозных рамок, что задаёт различные модели интерпретации и коммуникации.

В более широком смысле духовные ценности можно рассматривать как своеобразный культурный код, который опосредованно определяет восприятие реальности, модели поведения и способы взаимодействия.

Понимание этого кода в другой культуре становится необходимым условием перехода от формального контакта к подлинному диалогу.

Значимую роль в формировании таких кодов играет система воспитания, через которую передаются базовые ценности и представления о социальной норме. Воспитание закрепляет не только правила поведения, но и образ желаемой личности, формируя устойчивые жизненные ориентиры [1, с. 104]. При этом приоритеты воспитательных практик варьируются: в одних обществах акцент делается на коллективной ответственности, уважении к традициям и иерархии, в других - на развитии самостоятельности, критического мышления и свободы выбора. Эти различия отражают особенности соотношения личности и общества в разных культурных моделях.

Неодинаково организованы и сами институты социализации. В ряде культур ключевую роль играет семья и ближайшее окружение, тогда как в других значительное влияние оказывают образовательные или религиозные структуры [7]. Такая институциональная специфика определяет представления об авторитете, допустимых формах поведения и способах разрешения конфликтов. В результате одни и те же действия могут интерпретироваться по-разному: то, что воспринимается как проявление уважения в одной культуре, в другой может вызывать противоположную реакцию.

Межкультурное взаимодействие нередко ограничивается поверхностным уровнем восприятия, где доминируют устойчивые стереотипы и упрощённые представления. Однако полноценный диалог становится возможным лишь при обращении к более глубокому уровню: системе ценностей и так называемым «глубинным культурным программам» [8]. Их осмысление позволяет выйти за рамки внешних различий и увидеть внутреннюю логику поведения другой стороны.

Преодоление стереотипов связано с переходом от оценочного восприятия к аналитическому пониманию. Это предполагает стремление интерпретировать действия собеседника через призму его культурного и духовного опыта, а не через собственные нормы. Подобный подход не требует отказа от собственной идентичности, но открывает возможности для осмысленного сопоставле-

ния различных ценностных систем. Таким образом, диалог на уровне глубинных культурных оснований предполагает признание множественности моделей духовности и воспитания. Он строится не на поиске универсальных схем, а на внимательном и уважительном сопоставлении различий. В этих условиях межкультурная коммуникация перестаёт быть лишь набором практических навыков и приобретает характер этической практики, основанной на понимании, рефлексии и уважении к внутреннему миру другой культуры.

Передача духовных ценностей в культуре осуществляется через совокупность взаимосвязанных каналов, объединяющих речевые формы, поведенческие практики, символические системы и повседневный опыт. Особое место занимает слово как носитель коллективной памяти. Фольклорные формы, такие как сказки, мифы и пословицы, закрепляют представления о нормах и ценностях, задавая ориентиры различия добра и зла, допустимого и запретного.

Существенную роль играют сакральные тексты и семейные нарративы, поддерживающие чувство преемственности и связь поколений. Наряду с этим значим и невербальный уровень: обряды, ритуалы и праздники закрепляют модели поведения на эмоциональном и телесном уровне. Искусство, музыка и визуальная культура транслируют смыслы без прямой вербализации, тогда как повседневные практики общения, включая жесты и интонации, формируют устойчивое воспитательное пространство.

Различные культурные традиции вырабатывают собственные представления об идеальном человеке, которые становятся ориентирами социализации. В конфуцианской системе центральное место занимает концепция цзюньцзы, отражающая нравственную зрелость, самодисциплину и следование социальному долгу. В Японии акцент делается на гармонии, коллективной ответственности и умении соотносить личные интересы с групповыми ожиданиями, что формирует особую чувствительность к контексту и негласным нормам. В Православии воспитательный идеал связан с внутренним духовным преображением, где важны смирение, ответственность и нравственное самосовершенствование. Западная культурная модель, напротив,

ориентирована на автономию личности, развитие критического мышления и право на индивидуальный выбор, при этом духовность часто приобретает секулярные формы. Сопоставление этих подходов показывает, что различия затрагивают не только цели воспитания, но и само понимание зрелости и ответственности.

Семья выступает базовым и наиболее устойчивым механизмом передачи духовных установок. Именно в семейной среде формируются первичные представления о нормах, авторитете и допустимом поведении. Модели родительства, описанные в психолого-педагогических исследованиях, получают различную интерпретацию в зависимости от культурного контекста.

Авторитарный стиль, основанный на контроле и подчинении, в одних обществах воспринимается как необходимое условие дисциплины, в других - как ограничение свободы. Попустительский стиль, предполагающий минимальное вмешательство, характерен преимущественно для индивидуалистических культур [3, с. 35]. Через повседневные практики семья транслирует не только нормы поведения, но и представления о смысле жизни, долге и границах допустимого, выступая ключевым звеном передачи культурного опыта от поколения к поколению.

Сложности межкультурного взаимодействия связаны прежде всего с различиями в системах смыслов и ценностей, а не с фактической информацией. Эти различия формируются задолго до непосредственного контакта и закрепляются в процессе социализации. Одним из типичных барьеров является этноцентризм, при котором собственные нормы воспринимаются как универсальные. В результате иные модели поведения интерпретируются как отклонение от «правильного» стандарта. Дополнительную роль играют стереотипы, упрощающие образ другой культуры и ограничивающие готовность к диалогу. Существенным препятствием становится и различное понимание базовых понятий: свобода, уважение или успех могут трактоваться по-разному, что создаёт иллюзию взаимопонимания при сохранении глубинных расхождений. Жёсткость традиционных воспитательных систем также способна усиливать закрытость и настороженность по отношению к внешним влияниям.

Цифровая среда существенно трансформировала характер межкультурной коммуникации. С одной стороны, увеличилось количество контактов и расширился доступ к различным культурным практикам. С другой стороны, взаимодействие нередко приобретает поверхностный характер, поскольку онлайн-форматы сокращают роль контекста, ритуалов и личного присутствия. Одновременно происходит перераспределение авторитетов: влияние традиционных институтов частично уступает место цифровым платформам и медиа среде. Через визуальный и медиа контент распространяются универсализированные образы успеха и самореализации, которые не всегда совпадают с локальными ценностями, что может усиливать разрыв между поколениями. При этом цифровое пространство открывает возможности для знакомства с разнообразием культур, однако без критического осмысления это часто приводит к фрагментарному восприятию и утрате глубины.

В условиях поликультурного общества усиливается проблема множественной идентичности. Индивид оказывается включённым в несколько культурных систем, каждая из которых задаёт собственные ориентиры. Это может приводить к состоянию маргинальности, при котором отсутствует устойчивое чувство принадлежности [5]. Воспитательные установки, усвоенные в семье, нередко вступают в противоречие с ожиданиями внешней среды, провоцируя внутренние конфликты. В ответ формируется концепция «третье пространство», предполагающая возможность сочетания различных культурных элементов без полного подчинения одной модели. Такое пространство не устраняет различия, но позволяет использовать их как ресурс развития, обеспечивая более устойчивое и гибкое взаимодействие в межкультурной среде.

Современное межкультурное взаимодействие постепенно отходит от иерархической модели, в которой одна культура выступает источником норм, а другие лишь адаптируются к ним. В условиях ценностного разнообразия всё большую значимость приобретает диалог, основанный на признании равноправия различных духовных традиций. Такой подход во многом соотносится с концепцией диалога культур [6]. Ключевая идея этой концепции заключается не в соподчинении культурных систем, а в их встрече и смысло-

вом взаимодействии. В этом контексте образование рассматривается как пространство, где освоение культуры происходит через мышление, сопоставление и внутренний диалог, а не через механическое усвоение готовых знаний. Практическое значение данного подхода проявляется в развитии межкультурной чувствительности и эмпатии, позволяющих воспринимать ценностные основания другой культуры без их упрощения до внешних различий.

Реализация диалога культур предполагает формирование такой модели воспитания, которая способна учитывать многообразие духовных ориентиров, не сводя их к единому стандарту. В её основе лежит принцип единства в многообразии, предполагающий сосуществование различных ценностных систем в рамках общего образовательного пространства. Интегративный подход при этом не направлен на выработку универсального набора норм, применимого ко всем культурам. Напротив, он ориентирован на выявление общечеловеческих ценностей и их осмысление через конкретные культурные формы. Такие категории, как добро, справедливость, сострадание и истина, присутствуют в различных традициях, однако выражаются через разные символы, практики и повествовательные структуры. Их сопоставление позволяет углубить понимание содержания этих ценностей, избегая их абстрактного упрощения.

Важным инструментом реализации данного подхода становится создание в образовательной среде ситуаций подлинного диалога. Совместная проектная деятельность, анализ художественных и исторических источников, обсуждение жизненных ситуаций, отражающих опыт разных культур, формируют навыки соучастия и интерпретации. В подобных условиях воспитание выходит за рамки передачи информации и превращается в пространство взаимодействия, где ценности не просто декларируются, а осмысливаются и переживаются в процессе общения.

В условиях ценностной множественности трансформируется и роль взрослого в воспитательном процессе. Педагог или родитель всё реже выступают в позиции носителя единственно верного знания, смещая акцент в сторону посредничества и интерпретации культурных смыслов. Такой подход предпо-

лагает отказ от жёсткой нормативности и переход к функции навигации в мире ценностей. Взрослый помогает ориентироваться в разнообразии культурных установок, объясняет их происхождение и внутреннюю логику, соотносит их с личным опытом обучающегося.

При этом роль навигатора не сводится к безусловному принятию любых ценностных позиций. Она предполагает ответственное сопровождение процесса формирования мировоззрения, в котором выбор осуществляется на основе осмысления, а не некритичного усвоения. В таком формате воспитание становится пространством доверительного взаимодействия и совместного поиска, а межкультурная коммуникация приобретает устойчивый характер, переходя из разовых контактов в системную практику диалога.

Заключение

В представленной статье духовность и воспитание рассматриваются как определяющие факторы межкультурного взаимодействия, формирующие ценностные ориентиры личности и особенности коммуникации между представителями разных культур. Проведённый анализ показывает, что ключевые возможности для диалога, равно как и источники недопонимания, сосредоточены на уровне смыслов и ценностных интерпретаций. Духовные основания объединяют в себе как универсальные элементы, обеспечивающие базу для взаимного признания, так и культурно обусловленные различия, связанные с историческим и социальным опытом. Воспитание, в свою очередь, закрепляет данные ориентиры, отражая специфику общественного устройства и представления о роли человека в социуме.

Отдельное внимание уделяется коммуникативным барьерам, возникающим в процессе межкультурного общения. К числу наиболее значимых относятся этноцентризм, различия в интерпретации базовых понятий и усиливающее влияние цифровой среды. Эти факторы способны обострять напряжённость и ограничивать возможности конструктивного взаимодействия, что требует пересмотра традиционных подходов к воспитанию и коммуникации. В качестве перспективного направления выделяется переход к диалоговой модели, ориентированной на признание ценностного многообразия и равнозначности

культурных позиций. В данном контексте роль семьи и педагогов заключается в сопровождении процесса осознанного выбора, развитии способности к интерпретации культурных различий и формировании условий для устойчивого и содержательного межкультурного диалога.

Библиографический список:

1. Гончарова Н. А. Межкультурные коммуникации как новые возможности для сотрудничества и диалога // На пути к гражданскому обществу. № 1 (57). 2025. С. 103–107.
2. Гончарова Н. А., Золотарева Н. В. Возможности межкультурной коммуникации в современной России // Глобальный научный потенциал. № 6 (111). 2020. С. 27–29.
3. Гончарова Н. А. Methodological tools for teaching foreign languages // Глобальный научный потенциал. № 8 (101). 2019. С. 33–35.
4. Шорохова Т. М. Межкультурная коммуникация: теоретический и прикладной ас-

пекты: учебное пособие. Москва: Флинта, 2019. 248 с.

5. *Brisuela-Blume Laureano, Avendaño Diego, Fasce Angelo*. Beyond secularism: Exploring non-traditional forms of spirituality within the political left // *Personality and Individual Differences*. Volume 252, 2026. 113600.
6. *Fama E. F., French K. R.* The Cross-Section of Expected Returns // *Journal of Finance*. Vol. 47. 2017. Pp. 427–466.
7. *Fogarty Laurel, Zhang Stephen, Feldman Marcus W.* Gene-culture association and coevolution // *Theoretical Population Biology*. Volume 165. 2025. Pp. 62–71.
8. *Gudykunst W. B., Kim Y. Y.* *Communicating with Strangers: An Approach to Intercultural Communication*. New York: McGraw-Hill, 2017. 352 p.

©Гончарова Н. А., 2026